

Шахматный болван / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Шахматный болван / рассказ ШАХМАТНЫЙ БОЛВАН

По набросанному нами плану рассказ должен был начаться описанием сражения, в котором тяжело ранен поляк Воронский; но сочинитель рассказа никогда не участвовал в сражениях и не знает, как это делается. Есть много описаний в современных книгах, можно бы заимствовать из них что-нибудь подходящее, если бы не боязнь сделать грубую ошибку. Напишешь, например: «Вокруг со страшным грохотом рвались снаряды», - и окажется, что в эпоху первого раздела Польши, к каковой эпохе наш рассказ относится, никакие снаряды не рвались, а просто летели по воздуху чугунными шариками и падали неподалеку. Одним таким ядром не могло оторвать Воронену сразу две ноги и руку, почему я и предполагаю, что он был ранен как-нибудь иначе. По имеющимся весьма смутным историческим сведениям, левая рука и обе ноги были ампутированы хирургом в больнице, кажется, в Варшаве. Молодой патриот был ранен в уличной схватке, успел укрыться и избежать смерти, но на всю жизнь остался калекой, после чего будто бы «покаялся не показываться людям в своем натуральном виде».

Вот и все о Воронском. От себя прибавим, что это был очень умный, сильный духом и образованный человек маленького роста и что вряд ли после несчастья родины и несчастья личного он мог любить людей. После страшной операции он пролежал полтора года и только потому не лишился рассудка от своих невеселых дум, что играл сам с собой в шахматы.

Не все знают, что шахматы с незапамятных времен были излюбленной игрой не только в Западной Европе, но и в России; и в России, пожалуй, больше, чем в Европе. Раньше, чем появились карты, русские дни и ночи проводили за шахматами и шашками, да еще играли в зернь, игру очень азартную. Иван Грозный умер за шахматной доской – смерть легкая и отличная. Хорошо играл Петр Великий и плоховато Екатерина Вторая. Сейчас

шахматы объявлены игрой пролетарской и стали чуть ли не обязательной наукой. Известно также, что на современных международных турнирах кто бы ни победил – все равно он оказывается русским, и с этим решительно ничего не поделаешь. Понятно поэтому, какой огромный интерес пробудило в России появление в дни Екатерины болвана, механической куклы, которая всех обыгрывала в шахматы. Впервые автомат появился на народном гулянье и сражался с простыми людьми, затем он попал в барские дома, и наконец проник и во дворцы. Пощады не давал никому, а бились с ним игроки хорошие и в своих силах уверенные. Конечно, гроссмейстеров в то время еще не было, как и вообще профессионалов, кроме базарных жуликов. Не было еще и книг с анализами начал и концов, знание которых превращает прекрасную игру в скучную науку и вызывает зевоту до пятнадцатого хода, после которого объявляется ничья. Но так как наш рассказ пишется не для шахматистов, а для среднего незатейливого читателя, то в технические подробности вдаваться не будем, а прямо перейдем к приключениям шахматного болвана в городе Санкт-Петербурге.

* * *

– Почтеннейший публикум! Сей пленный турок-мусульман, прозванием Осман, не будучи живой, по с отменной головой! Играет в шахматы и шашки, никому не дает поблажки. Старцы и молодцы, приказные и купцы, православной веры бояре и кавалеры, подходите ближе, кланяйтесь ниже! Кто с ним сыграет, того он и обыграет!

На базаре уже знают турецкого болвана и его владельца, наряженного мудрецом, в остроконечной шляпе со звездами. В окружившей его толпе два-три купца, страстные игроки, готовятся к бою и поглаживают бороды. По шахматной части игроков немного, больше в шашки.

– Почем игра?

– Ставь по желанью, а за выигрыш плачу десять раз.

– Какой воровской прелести нет ли?

Маг и волшебник засучивает широкие рукава, задирает турку

балахон на голову, обнажает его железный остов с гвоздиками, колесиками и пружинками. Кукла сляпана довольно грубо, ноги просто привешены на двойных крючках и легко снимаются; сделаны они из лакированного дерева и расписаны красками: чулки, сапоги, на сапогах красные каблуки. Для убедительности базарный фокусник выкручивает болвану и левую руку, а в заключение берет за уши турецкую головку и свертывает ее лицом к спине.

– Голова пуста, мозгу хватит на бывалого.

Находятся охотники. Из ящика, к которому приделана кукла, вынимается тавлея и коробка с дамками или с фигурами. Ставится перед туркой на ящик. Под правую руку подкладывается подушечка. Огромным ключом с треском заводится пружина в боку турка.

Начинается игра. Первый ход уступается добровольцу. Едва ход сделан, турок медленно подымает руку над шашечницей, цапает фигуру скрюченными железными пальцами и ставит на место. Внутри куклы слышно поскрипывание. Сделав ход, рука прежним деревянным движением ложится на подушку.

Никакой искусный игрок не может обыграть турка. Бывали такие, которые хотели в неудаче сжульничать: : фукнуть туркову пешку или двинуть свою рукавом. В таких случаях, к восторгу толпы, турок медленно, с железным скрипом, повертывал голову единожды вправо и влево, и фокусник, наблюдавший за игрой со стороны, куклы не касаясь, говорил:

– Не по чести играете, купец!

За турка вступалась и публика – и он неизменно побеждал. Играл чинно, никогда не задумываясь, одинаково в поддавки, в крепкую и в шахматы, при том и в простую ферезь, и во всяческую, когда эта ферезь, или царица, ходить может за всякую фигуру, в том числе и за скакуна. Игра была строгая, и раньше игры хозяин уславливался о правилах: «За шашку – так и за место», то есть тронута – сыграна; «Через шах не запирайся» – нельзя рокироваться под шахом. Самый шах кукла объявляла двойным наклоном головы – если шах царю, и простым – царице, которую называли также ферезью, кралей и фрэй.

Слава турка росла и с базаров перекатилась в барские дома.

Сюда хозяин привозил свою куклу на расписной повозке в сундуке. Выгружал со слугами осторожно, оберегая сложный механизм, а в покоях вынимал турка из сундука по частям: сначала железный остов с одной рукой, потом руку и ноги. Аккуратненько составлял, свинчивал, мазал где надо маслом, подкреплял винтики, заводил пружину.

Продать своего искусного истукана ни по чем не соглашался, хотя давали ему большие деньги. И даже когда сама императрица, прослышав о столь замечательном автомате, приказала доставить его во дворец, сыграла с ним в шахматы, проиграла и пожелала того автомата купить, - хозяин его отказался, сказав, что продать ту куклу он не может, потому что без него она действовать не будет:

– Не обману великую монархиню. Мы с сим турком, что он – то я, оба вместе, друг без друга не существенны. Сия механика особая, и передать ее никому не могу, за что и прошу униженно не прогневаться.

Екатерина не настаивала и щедро наградила фокусника, который ничего от своего упорства не потерял, так как стали его теперь приглашать во все богатые дома и платили весьма щедро.

* * *

Великим шахматным искусником считал себя в то время знатный барин и многих орденов кавалер князь Г., вельможа великодушный, живший пышно и проживавший третье обширное поместье, пожалованное ему императрицей. Прослышал и он про шахматного автомата и пожелал с ним сразиться. Созвал гостей, со многими побился об заклад, потому что не было еще такого игрока, который мог бы супротив него выиграть. Чтобы машина играла лучше человека – тому поверить трудно. Той машиной как-нибудь управляет сам фокусник – человек, и значит, победить его возможно.

– Меня, брат, на кривой не объедешь! Твое имя как?

– Зовусь Кемпеленом, ваша светлость.

– Видно, и ты басурман, как и твой турок. Согласен ли играть три игры? Проиграю – плачу за каждую тысячу золотом, а выиграю

из трех одну – отдашь мне твою машину.

– Машины отдать не могу, ваше сиятельство, не обидьте бедного человека. А только выиграть у моего турка невозможно.

– Лучше соглашайся, все равно отсюда не выпущу, доберусь до твоей хитрости. Плачу за проигрыш две тысячи. А проиграешь – пеняй на себя.

Шахматы фокусник расставил видимо без большой охоты. Долго подвинчивал винтики, постукивал пальцем по железной турецкой голове, заводил пружину в бок. Князь наблюдал за ним внимательно; не спускало глаз с фокусника и княжеское окружение. Как началась игра, велели ему отсесть от куклы подале.

Князь повел пешку, турок ответил. Князь другую – турок свою. Князь вывел скакуна – турок слона. Игра завязалась. Играли долго и упорно, и каждую хитрость князя турок отводил ловким ходом. Вывели каждый по пушке, забегала по доске ферезь, и когда князь, долго продумав ход, объявил шах, - турок, не медля, поднял руку, подставил под удар свою ферезь, взял за нее три фигуры и дважды наклонил голову: шах Князеву царю! Князь отступил – турок наступил; князь прикрылся – турок наскочил простой пешкой, провел ее в доведи, на последнюю линию, прижал князя на смерть – и игре конец.

Ахнули все, а князь от натуги и смущения развязал тесемки на животе:

– Чистое наваждение! Это зря я дал ему обменять ферезь. Не обменяй – была бы ему крышка на третьем ходе. А ну, давай еще! Снова заведена пружина. Уже не смотрит на фокусника – смотрит только на турка, как на живого. Будь тут даже жульничество – невиданное дело, чтобы князь, записной игрок, мог проиграть шарлатану!

Подали вина. Князь выпил, турок не шевельнулся.

– Может, он у тебя и пить знает?

– Запрещается по турецкому закону, ваше сиятельство!

– А ну, пускай теперь он начинает.

Турок поднял руку с подушки и начал пешкой. Каждый ход князь обдумывал подолгу – турок подымал и опускал руку ровно и без задержки. К середине игры князь потерял пешку за слона, да

раньше проиграл две пешки. Жилы на его лбу надулись, ерзал на кресле, набивал нос табаком, пил стакан за стаканом. Сделав ловкий ход, отбил целую фигуру, приободрился, стал наступать на правом крыле – да позабыл прикрыть левое. Когда заметил, было уже поздно: турок продвинул две сцепленные пешки, пришлось бросить атаку и защищаться с жертвами. Однако защита удалась, и как будто игра выправилась, даже вышла к пользе князя, но как раз в этом месте сделал турок совсем неожиданный ход, до того неладный, что князь даже и думать долго не стал: двойным шахом цапнул туркову пушку, приобрел силу – и попал в ловушку: через два хода – нет царю никакого спасенья!

Стукнул кулаком по столику, так что подпрыгнула тавлея и фигуры повалились на пол. И хотя был человеком просвещенным и царедворцем, - пустил крепкое слово и, не сдержавшись, кинул в турецкую голову своей драгоценной табакеркой, - очень уже разгорячился князь.

И вот тут случилась неожиданность. С места не двигаясь, турок мотнул головой и чихнул. Сначала чихнул негромко и подавленно, потом сильнее, потом еще – со свистом и подвизгиванием. И хотя бросился к нему фокусник и начал вытирать голову, опыленную табаком, - турок продолжал чихать неистово и безудержно.

Спервоначально князь и его гости остолбенели: что машина может играть – удивительно, но чтобы она чихала – совсем необыкновенно. Но по растерянному лицу фокусника было видно, что такого механизма, чтобы турок чихал, он не устраивал. И первым наскочил на него проигравший князь.

– Эге, молодчик, да у тебя тут живое спрятано?

Может быть, фокусник и сумел бы убедить князя, что так уж устроена машина, что может и чихать, - но вдобавок ко всему из глубины его машины раздался умоляющий голос:

– Сними голову, дурак! Глаза мне выело!

Под полый железной головой оказалась другая, живая, со слезящимися от табаку глазами, гладко стриженными волосами, потная и нездорового вида.

И когда наскоро, под общий хохот, обмыли глаза вином и обтерли мокрое лицо, голова сказала, притом на отличном французском языке:

– А все-таки, ваше сиятельство, вы проиграли. Играете вы хорошо, да больно увлекаетесь, атакуете, позиций не защитивши. Разрешите, князь, стопку вина благородному инвалиду!

Французский язык победил – и ни турка, ни его слугу Кемпелена не побили. Напротив, князь по-честному расплатился со шляхтичем Воронским, изобретателем замечательной машины, одного не обещав: сохранить его тайну. Вместо этого предложил ему остаться у него жить и, играя с ним, обучать его великому искусству, в котором тот не знал соперников.

Михаил ОСОРГИН. Некаýalar